

**ОТЗЫВ
НА ДИССЕРТАЦИЮ О.Н. НАУМОВА
«МОСКОВСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Диссертация представляет собой законченную монографию, в которой автор скрупулезно и досконально разработал упомянутую тему. Работа уникальна и тем, что она выполнена на стыке двух направлений исторической науки - источниковедения и историографии. В ней использованы оригинальные родословные таблицы, росписи, генеалогические досье и другой документальный материал. Важными в работе исследователя являются также использованные им картотеки, списки, указатели, описи (с. 76).

Автор затрагивает очень важную для историков и краеведов тему некрополей, особенно в сравнительном анализе. Но его тема настолько велика и обособлена, что сама является исследованием (с. 79).

Автор, последовательно показав сложившийся на протяжении десятков лет в архивах, научных организациях, исторических журналах историко-документальный материал, обработал его так, что читателю стали видны и вполне понятны все факторы, на основании которых сформировалась московская генеалогическая школа.

Очень важно и то, что в диссертации уделяется значительное внимание расширению источниковой базы русских ученых, оказавшихся в эмиграции (с. 331 - 334).

Безусловно, можно смело сказать, что монография О.Н. Наумова - это новый и значительный вклад в историю русского дворянства. Соискатель справедливо отмечает (с. 3), что в настоящее время сложились достаточно благоприятные условия для объективного изучения некоторых, закрытых в прошлом сторон отечественной исторической науки. Хотя обольщаться на тот счет не следует. Действительно, какое-то незначительное облегчение историкам в доступе к некоторым материалам есть. Но все это весьма эфемерно, ситуационно. Препоны и различные ограничения действуют до сих пор.

Несколько трафаретны, к сожалению, слова (с. 3) о внимании к историческим дисциплинам, их значении. Перечисление их представляется не совсем логичным: если генеалогия, геральдика и геральдическая часть вексиллологии в советское время фактически были под запретом, то советские сфрагистика и фалеристика в целом не испытывали давления со стороны официоза.

Значительное внимание уделяет автор трактовке понятия «научной школы» (с. 4), сравнительному анализу московской и петербургской школ. Эти весьма убедительные сведения знакомы и специалистам в области других вспомогательных дисциплин, в частности геральдики, где московская школа бесспорно отличается от петербургской. Поэтому такой сравнительный анализ вполне уместен и правомерен. Автор на протяжении всей работы несколько раз возвращается к термину «школа» (с. 17), что безусловно отражает его неподдельный интерес к их проблемам. В частности, видовой принцип подразделения источников говорит о московской школе исследования в Историко-архивном институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин (с. 25).

Довольно интересны мысли о различии московской и петербургской школ генеалогической науки: первое - более демократичное, вторая - сословная, более замкнутая (с. 120). Как выясняется из работы в дальнейшем, несмотря на столь явные различия и антагонизм, некоторые ученые из разных школ нашли возможность сотрудничества. Впоследствии можно с известной осторожностью говорить и о некоем синтезе двух источниковедческих школ - московской и петербургской. Это стало возможным в результате работ Н.П. Лихачева с московскими учеными (с. 154).

Очень правильная мысль о более внимательном и детальном исследовании русской генеалогии за рубежом, тем более, что сейчас это вполне возможно (с. 10-11). Любопытна и крайне интересна характеристика протоколов Московского общества, как главного документального источника, положенного в основу исследования (с. 31-35). Очень подробно и тщательно исследованы и классифицированы отчеты, списки, докладные записки, переписка (с. 35-45). Дневники и воспоминания, безусловно, дают довольно скромное представление о научной жизни (особенно, если это не научные, а бытовые дневники), но его источник, характеризующий прежде всего личность писавшего (с. 47). То же можно сказать и о воспоминаниях, которые всегда «клад» для исследователя. Все сказанное относится и к переписке.

Неопубликованные работы также составляют важный вид источников. Так, очень интересно упоминание о статье, где рассматривается такой почти неизвестный современным специалистам факт, как русское дворянство еврейского происхождения. Большую познавательную ценность имеют неопубликованные документы, упоминаемые соискателем, которые важны не только для генеалогов, но и для геральдистов - жалованные грамоты, грамоты на ордена, материалы о возведении в титул и др. (с. 62).

Следует отметить, что автором проделана серьезная исследовательская работа, связанная с различного рода атрибуциями (с. 63-54).

Для специалистов по геральдике особенно важны те авторские замечания, где есть указания на наличие геральдических сюжетов в письмах генеалогов (с. 55). Довольно интересен раздел генеалогического исследования, в котором разрешаются проблемы родословия дворянства (с. 55-59). Важны и те положения в диссертации, где автор пишет не только о генеалогам, но и геральдистам, проблемах геральдики как вспомогатель-

ной дисциплины, поставленных Ю.В. Арсеньевым в 1911 году. Именно в эти годы Ю.В. Арсеньев много и плодотворно работал над геральдическими проблемами, используя европейские источники по генеалогии и геральдике.

Интересны сведения о Д.П. Голохвастове (с. 105-107), как об одном из первых генеалогов. Здесь в качестве примера показано, на базе каких исторических отраслей формируется ученый-генеалог. Это, прежде всего, изучение и знание архивного деда, общей истории, участие в работе научных и дворянских организаций. Здесь автор снова обращается к характеристике документов, их подбору для составления достоверных полноценных генеалогических картин. Это акты, посольские дела, письма и другой документальный материал. Существенным добавлением к этому является характеристика Л.В. Долгорукова как личности, и что более важно, его трудов, ставших фундаментом русской генеалогии, на базе которых строились все последующие работы. Существенным вкладом оказались и работы Н.И. Туркестанова.

В диссертации весьма ярко показана деятельность московских архивов и научно-исторических обществ (с. 118-120), способствовавших зарождению и развитию генеалогии. Представляется, что именно с этой части и надо было начинать главу, то есть сначала показать деятельность архивных учреждений Москвы, а затем на их базе - работу исследователей. Так было бы логичнее. Впрочем, это не очень существенно, важно, что работа архивов и исследователей в них связана общей идеей. Здесь положительно охарактеризована целая плеяда русских ученых, приведены названия их трудов. Важна и характеристика П.И. Бартенева, сделанная автором, показаны его демократизм, стремление заниматься всеми формами генеалогии, не только дворянской (с. 122-123).

Очень уместна его цитата, в которой критикуется только лишь дворянская ориентация Санкт-петербургского генеалогического общества. Видно, что многие уже в то время смотрели на генеалогию гораздо шире, чем только на некую сословную науку, и его, бесспорно, важный факт.

Весьма познавательными являются те положения автора, где он разбирает состав петербургского и московского обществ, приводит фрагменты дискуссии в московском обществе по поводу состава его членов, удачно подмечает, что общество в Санкт-Петербурге было не только дворянским, но и аристократическим, в противоположность московскому (с. 146). Есть что-то знаменательное во времени, когда создавалось Историкородословное общество в Москве. Страна сотрясается в неудачной войне, гибнут люди, поднимается волна революции, за которой следуют репрессии, вспыхивают погромы. Тем не менее, на фоне такой тревожной обстановки создается серьезная научная организация, занимающаяся проблемами истории общества, его сословий. Наука на фоне революции как бы пытается уравновесить брожение в умах людей. Примечательно и то, что заседания И.Р.О. состоялось 8 января 1905 года, за день до «кровавого воскресенья». Хотелось бы, чтобы автор монографии развил эти мысли, прокомментировал их более подробно (с. 151).

Весьма удачно подмечены элементы соперничества между Москвой и Санкт-Петербургом. К сожалению, эти явления подспудно проявляются и сейчас (с. 165).

В главе, посвященной деятельности Московского общества, ярко показана его практическая деятельность по изучению и публикациям о тульском и московской дворянстве. Вся глава читается захватывающе, она познавательна, сообщает много неизвестных исторических и бытовых сведений. Один только момент остается невыясненным: насколько активно Общество занималось изучением геральдики. И занималось ли вообще? (с. 199-200).

Очень интересно упоминание о работах У.Г. Иваска по составлению купеческих родословных и по изучению недворянских родов в целом (с. 193-195).

Очень хорош в научном отношении анализ, который сделал автор, подвергнув тщательному рассмотрению и систематизации летопись Историко-родословного общества.

Для специалистов в области геральдики представляет интерес та часть исследования, где соискатель анализирует Летописи, в разделе «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины» упоминает и геральдику. В частности, он отдает должное публикаторам прошлого, нашедшим возможность поместить в Летописи такие важные, до сих пор не потерявшие актуальности, материалы В.К. Трутовского и Ю.В. Арсеньева о цветах русского флага (с. 235). Важна и роль Н.П. Чулкова, который в советское, очень неблагоприятное для этой науки, время сумел не только сохранить как крупный ученый, но и в неимоверно трудных условиях продолжил популяризаторскую, научную работу, за которую, в конце концов, и получил звание профессора (с. 271-274).

Вообще о роли ученых в МГИАИ сказано тепло и справедливо, ведь институт был почти единственным местом, где эти предметы преподавались (с. 276 и далее).

Ценным вкладом соискателя является историографическое обобщение всей генеалогической деятельности в трудные 20-30е годы нашего столетия (с. 277-298).

Очень важной явилась работа автора по анализу генеалогического журнала «Новик», долгие годы выходившего в Америке. Этот анализ тем более важен, что и поныне современные исследователи лишены возможности ознакомиться с ним. В этой связи актуален и обзор той части журнала, который посвящен отечественной геральдике. Особенно отрадно, что историки геральдики снова встретились с фамилией О.И. Значко-Яворской, давним другом и сподвижником В.К. Лукомского, сведения о которой в отечественной литературе зыбки и отрывисты (с. 328).

Несмотря на явные достоинства и почти полную безупречность, работы, хотелось бы сделать и несколько замечаний, которые вполне устранимы и служат лишь для того, чтобы в своих дальнейших публикациях автор еще больше совершенствовал и оттачивал выбранную им тему.

Говоря о принципиальности вопроса создания Историко-Родословного Общества в Москве (декабрь 1904 г. - январь 1905 г.), автор недостаточно убедительно рассказывает читателю, в чем же она все-таки состоит. В начале работы читателю предлагается пять пунктов (пять задач) цели исследования. Представляется, что эти задачи более историографического, чем источниковедческого характера (с. 10-11).

Очень важно в начале работы подвести под генеалогию существенный научный базис. Его следует гораздо полнее, аргументированнее и доказательнее проработать. Это нужно для того, чтобы все, кто знаком с диссертацией, понимали, почему нужна генеалогия и почему она была так политически опасна, за что ее преследовали. До недавнего времени политика, партийная идеология довлели над жизнью общества, а история семьи составляла проблему для государства, она приводила к мысли о различии людей, их многогранности, с чем в корне не могла согласиться партийная доктрина. Партийная идеология шла вразрез с идеей человеческой индивидуальности. И серьезному анализу этого явления, на наш взгляд, должна быть посвящена целая глава, ибо она важна не только для генеалогии, но и для многих других «закрытых» тем нашей истории. Сейчас же, к сожалению, во всех работах этому серьезному явлению отводится два-три дежурных абзаца. Поэтому сейчас не очень понятно, за что же генеалогия «попала в разряд социальных, почти запретных отраслей истории» (с. 24).

Не совсем ясно утверждение автора о стремлении властей поставить под контроль ИРО. Любой исследователь, мало-мальски знакомый с порядком утверждения устава различных общественных организаций царской России, знает, что власти всегда оставляли за собой право вмешиваться в работу зарегистрированных ими организаций. Это была практика (с. 28).

Неправомерным, на наш взгляд, является сличение и критика автором уставов генеалогических организаций до революции и в наше время. Совершенно очевидно, что полной преемственности быть не может (с. 28).

Говоря обо всех видах источников по генеалогии, разработав биографические данные видных ученых в этой области, автор провел богатейшую исследовательскую работу в архивах, но не попытался связаться с архивом КГБ-ФСБ, в котором могут находиться интересные и важные биографические и другие специфические сведения об интересующих нас лицах - Н.П. Чулкове, В.И. Чернопятове, Л.М. Савелове. Это, безусловно, обедняет работу.

В последних монографиях, связанных с разработкой геральдических, генеалогических и некоторых других тем, довольно часто встречается тезис о недоступности царских архивов. Было бы целесообразнее более подробно остановиться на этом - почему в конце XIX - начале XX веков эти архивы были малодоступны (с. 137, 173).

В начале главы «Научная деятельность московских генеалогов после 1917 года» не совсем удачно расставлены акценты. Надо было бы сразу перечислить всех ученых, уехавших в эмиграцию и оставшихся в России, тогда была бы понятна расстановка научных сил после Октября 1917 года.

Следовало бы ярче показать лицемерие советской власти, сквозь зубы цедившей о сохранении истории, но фактически делавшей всё, чтобы эту историю, и особенно дворянскую, уничтожить. Также желательно было бы показать деятельность Наркомпроса, осветить, может быть впервые, роль «темного» крестьянства, подстрекаемого большевиками на поджог, разорение и уничтожение дворянских усадеб и архивов.

Производят глубокое впечатление списки расстрелянных и замученных генеалогов (с. 290-292).

Несколько замечаний по поводу критики автором деятельности А.М. Большакова. Критиковать его сейчас очень просто, хотя его деятельность совсем не исследована современными историками. Ясно одно, что А.М. Большаков стал одним из немногих выпускников Археологического института, кто пошел на службу советской власти, ревностно служа ей в прокуратуре. Безусловно, сейчас это заслуживает порицания и достойно сожаления, но нельзя забывать существенней вклад А.М. Большакова в историческую науку, его симпатии к вспомогательным историческим дисциплинам, где он всегда выделяя геральдику и генеалогию. Поэтому, безусловно, надо согласиться с мнением автора, что довольно неуклюжие «штудии» А.М. Большакова по генеалогии в тот момент были ей скорей на пользу, чем во вред. Это первое. И второе: А. Большаков в те годы (20-е) писал так, как позволяло ему время. А время было суровое. Оно не очень подвигало на уютные размышления о вспомогательных исторических науках, в отличие от сегодняшних дней.

Не очень ясным остался вопрос о современной состоянии генеалогии, хотя впрямую это и не является темой исследования. Хотелось бы прочитать в заключение мнение специалиста о том, насколько отечественная и эмиграционная школа русской генеалогии способствовали нынешнему состоянию этой науки. Такая важная, на наш взгляд, концовка исследования показала бы, что развитие генеалогии не закончилось в первой половине двадцатого столетия.

В заключение следует подчеркнуть, что автор воспользовался всей богатейшей источниковой палитрой нашей истории - архивные материалы, опубликованные и неопубликованные источники, уставы, различная литература. Однако вызывает удивление, что в библиографии автор не ссылается на свои статьи, напечатанные в возрожденном журнале «Гербовед».

Диссертационная работа настолько насыщена и интересна, что требует широкой публикации. Кроме этого, представляется желательным в нынешних сборниках воссозданного И.Р.О. опубликовать материалы, не увидевшие света в 1916-1917 гг.

Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Автореферат диссертанта соответствует содержанию работы. Основные выводы исследования опубликованы в печати. Автор достоин присвоения степени кандидата исторических наук.